

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

Март — Апрель

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Л. С. Толстова

ДРЕВНЕЙШИЕ ЮГО-ЗАПАДНЫЕ СВЯЗИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КАРАКАЛПАКОВ

Изучение сложной проблемы этногенеза каракалпаков, сравнительно небольшого тюркоязычного народа, живущего в основном в низовьях Амударьи, в пределах Каракалпакской АССР, впервые было поставлено на научную почву лишь в советский период¹. В советской исторической этнографии при изучении проблемы этногенеза народов исследователями привлекаются данные ряда смежных дисциплин — истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики, причем современные исследования в области этногенеза основываются на марксистском положении о формировании народностей и наций как исторически сложившихся общностей, в состав которых на протяжении истории входят различные племена и народности, местного происхождения и пришлые.

На вопросах этногенеза каракалпаков в той или иной мере останавливались в своих работах ряд исследователей — П. П. Иванов, С. П. Толстов, Т. А. Жданко, А. С. Морозова, Н. А. Баскаков, А. И. Ярхо, Т. А. Трофимова² и др.

На основании многолетних археологических и этнографических исследований, с привлечением всей совокупности данных смежных наук, С. П. Толстов создал концепцию происхождения и формирования каракалпакского народа, у истоков этногенеза которого, по его мнению, лежали сако-массагетские племена Приаралья (VII—II вв. до н. э.)³. Этнографические исследования Т. А. Жданко подтвердили наличие в этногенезе каракалпаков сако-массагетских, огузских и печенежских слоев, а также значительно углубили изучение более поздних этапов этногенеза каракалпаков, выявив в нем связи со средневековыми канглами, кыпчаками, монголами и Ногайской Ордой⁴.

¹ См.: Т. А. Жданко, Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии), Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1964, стр. 8, 9.

² П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, «Материалы по истории каракалпаков», «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1935; А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков (К вопросу этногенеза), канд. дис., Ташкент, 1954; Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 98; А. И. Ярхо, Антропологический тип каракалпаков, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее ТХЭ), т. I, М., 1952, стр. 585—599; Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, М., 1959.

³ С. П. Толстов, К вопросу о происхождении каракалпакского народа, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. II, М.—Л., 1947; его же, Города гузов (историко-этнографические этюды), «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике Восточного Приаралья), «Сов. этнография», 1950, № 4; его же, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, и др.

⁴ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950; его же, Каракалпаки Хорезмского оазиса, ТХЭ, т. I, М., 1952; его же, Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии), ряд разделов в «Очерках истории Каракалпакской АССР», т. I, Ташкент, 1964, стр. 79—104, 117—133, и др.

Эта концепция происхождения каракалпакского народа не встретила в научной литературе существенных возражений. Однако нам представляется возможным значительно углубить во времени некоторые линии каракалпакского этногенеза, выявить в нем компоненты, восходящие к отдаленной древности. При этом нам придется вновь и вновь обращаться к трудам того же С. П. Толстова, к положениям, гипотезам, высказанным им в другой связи и по другому поводу и не увязываемым им самим непосредственно с этногенезом каракалпакского народа. В этой статье мы остановимся лишь на древнейших юго-западных связях в этногенезе каракалпаков, не касаясь других, относящихся к их этногенезу материалов, которые могли бы послужить темами отдельных работ. Разумеется, исследуемые нами здесь линии каракалпакского этногенеза не исключают других направлений их этногенетических связей, как древних, так и средневековых. Следует также добавить, что вопрос о древнейших юго-западных связях (с Передней Азией, Ираном), древнейших переднеазиатских компонентах касается не только этногенеза каракалпаков, но и не в меньшей степени этногенеза хорезмских узбеков — наиболее прямых потомков древнехорезмийского населения, а также, по-видимому, и туркмен⁵.

Наиболее яркой реликтовой группой в составе каракалпаков являются *мюйтены* (*müjten*). Автор данной статьи во время работы в Каракалпакском филиале АН УзССР в течение ряда лет занимался изучением вопроса о происхождении и этнической истории этого древнейшего каракалпакского племени⁶. Нами были проведены экспедиционные исследования среди каракалпаков-мюитенов в Каракалпакской АССР (Тахтакупырский и Муйнакский районы), а также на Зеравшане, среди связанных с ними общностью происхождения узбеков-митанов (Иштыханский и Нуратинский районы Самаркандской обл.). В разных местах обитания мюитенов был собран значительный материал, характеризующий их интереснейший и уходящий в глубь веков исторический фольклор, материальную и духовную культуру, обычаи, прежние родовые деления, самосознание, этнические процессы, происходящие в местах их расселения в прошлом и теперь. В процессе обработки и анализа полевых материалов нами привлекались также данные смежных дисциплин — антропологии, археологии, лингвистики, имеющие отношение к исследуемым вопросам, сведения ряда древних и средневековых письменных источников. Предварительные результаты наших исследований были опубликованы в ряде статей⁷. В настоящей работе наши прежние высказывания подытожены, существенно развиты и дополнены.

⁵ Отдельные высказывания об этом имеются в историко-этнографической литературе, см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 197, 198, 221; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81, 82; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 31, 60—64 и др.

⁶ Мнение о том, что племя мюитен является древнейшим среди каракалпакских племен, высказывала в своих работах (указ. выше) и Т. А. Жданко. Однако этногенез мюитенов уходит, по-видимому, значительно дальше в глубь веков, чем это до сих пор предполагали исследователи.

⁷ Л. С. Толстова, А. Утемисов, Уточнение некоторых вопросов этногенеза каракалпаков, «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР» (далее «Вестник КК ФАН УзССР»), 1963, № 2; и х же. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков, «Вестник КК ФАН УзССР», 1963, № 4; Л. С. Толстова, К вопросу о закавказско-переднеазиатских связях в этногенезе каракалпаков (мюитены), «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 3; е е же, Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (К вопросам этногенеза), «Вестник КК ФАН УзССР», 1966, № 4; е е же, Данные исторического фольклора и топонимии о происхождении этнографической группы «митан» (по материалам экспедиции на средний Зеравшан), «Вестник КК ФАН УзССР», 1968, № 2.

Предположения о древнейших переселениях в IV—III тысячелетиях до н. э. с юга и юго-запада, из областей Иранского нагорья в южную Туркмению и в низовья Амударьи, а также о различных связях между населением этих областей уже высказывались археологами⁸. А. В. Виноградов, развивая выдвинутое С. П. Толстовым положение о южных связях кельтеминарской культуры, на большом археологическом материале обосновывает точку зрения о том, что неолитическая культура Хорезма своими корнями глубоко уходит в неолитические и мезолитические культуры южных областей — Ирана и Передней Азии, с которыми она генетически тесно связана⁹. Это позволило выдвинуть гипотезу о первоначальном заселении человеком Хорезмского оазиса с юга — в IV тысячелетии до н. э. (а возможно и ранее, в VI—V тысячелетиях до н. э.)¹⁰. Разумеется, южное происхождение микролитойдной кельтеминарской культуры не исключало ее тесных культурных связей с единовременными культурами Урала, Прикамья, Приобья, Южной Сибири, нижнего Поволжья.

Антропологи также фиксируют значительное перемещение каких-то групп населения на территорию южной Туркмении (Кара-Депе, Геоксюр) с территории Ирана в IV—III тысячелетиях до н. э.¹¹. В южном Приаралье черепа восточносредиземноморского типа, по-видимому, впервые фиксируются антропологами для периода бронзового века (II тысячелетие до н. э.), в памятнике Кокча-3 (более ранние черепа здесь пока не обнаружены)¹². Наряду с преобладанием восточносредиземноморского типа, в древнем и раннесредневековом Хорезме антропологи отмечают и представителей переднеазиатского типа. Такого, например, изображение на монете хорезмийского царя Африга (IV в. н. э.), о котором Т. А. Трофимова пишет: «Короткая, как бы срезанная в области затылка голова, характерная для хеттских изображений, воспроизведена на монете «Африга»..., где при этом дан огромный выпуклый нос с опущенным кончиком. Это изображение может быть оценено, как портрет человека переднеазиатского типа, возможно с искусственно деформированной головой»¹³. Наличие среди населения Хорезма представителей

⁸ В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4; его же, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, и другие работы; И. Н. Хлопин, К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана, «Сов. этнография», 1960, № 5; В. И. Саринди, Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, М., 1967; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 66; А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1; его же, Неолитические памятники Хорезма, М., 1968.

⁹ Подобное же мнение относительно вопросов генезиса кельтеминарской культуры долины Зеравшана высказывается в книге Я. Г. Гулямова, У. Исламова, А. Аскарлова «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана», Ташкент, 1966, стр. 103, 109—112.

¹⁰ А. В. Виноградов, Указ. работы; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, стр. 178, 179 и др.

¹¹ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита, «Труды ЮТАКЭ», т. X, Ашхабад, 1961, стр. 487.

¹² Т. А. Трофимова, Черепа из могильника тазабагыбской культуры Кокча-3, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5, М., 1961. Следует напомнить, что характерными представителями восточносредиземноморского (или закаспийского) типа (с некоторой примесью монголоидных черт) являются туркмены, что неоднократно отмечалось исследователями (Л. В. Ошанин, Тысячелетия давность долихоцефалии у туркмен и вопрос о ее происхождении, «Русский антропол. журнал», т. 14, вып. 1—2, 1925; его же, Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа, «Труды ЮТАКЭ», IX, Ашхабад, 1959). К этому же типу относятся, в основном, узбеки южного Хорезма, не сохранившие родовых делений. Эти антропологические особенности весьма ярко свидетельствуют о направленности древних этнических связей предков этих народов.

¹³ Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2, ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 605.

переднеазиатского типа еще более четко определяет некоторые направления этнических связей населения этой области¹⁴.

В связи с этим очень интересно изучение антропологических признаков зеравшанских узбеков-митанов и амударьинских каракалпаков-мюйтенгов, которых мы рассматриваем как потомков представителей древнейших переселений. Антропологический тип зеравшанских митанов представляет значительный интерес в качестве этногенетического признака. Л. В. Ошанин определял антропологический тип узбеков бывшего рода митан района Кермине (ныне Навоийнский район Бухарской обл.) с выступающим арменоидным носом и обильным ростом третичного волосяного покрова как переднеазиатский, ассириодный¹⁵. Среди узбеков-митанов Самаркандской области также встречаются характерные представители переднеазиатского типа. Что касается узбеков-мюйтенгов Кунградского района Каракалпакской АССР и каракалпаков-мюйтенгов Тихтакупырского и Муйнакского районов, то и среди них явственно можно проследить черты переднеазиатского типа, хотя и несомненно в смешении с монголоидными признаками¹⁶. Согласно последним антропологическим исследованиям, среди каракалпакских племен мюйтенгы по совокупности признаков занимают первое место по нарастанию европеоидных черт (второе место занимают конграты, а наиболее монголоидны — ктаи)¹⁷. Принадлежность предков мюйтенгов к переднеазиатскому антропологическому типу нашла отражение в легендах мюйтенгов о происхождении их от библейского Ииса (Исава), все тело которого было покрыто волосами, а также в народной этимологии названия мюйтен, как «мой тан» (тадж. муй, тан, перс. муьй тән) «волосатое тело», «тело, покрытое волосами»¹⁸.

Одним из этнографических признаков, уводящих этногенез мюйтенгов в наибольшую древность (по-видимому, более отдаленную, чем самих этноним) и доживающих до недавнего прошлого, является, на наш взгляд, распространенная в старину у мюйтенгов амударьинской и зеравшанской групп особая форма бороды, раздвоенной снизу. По этому признаку зеравшанские и каракалпакские мюйтенгы еще в начале XX в. узнавали друг друга¹⁹. Такая же форма бороды в древности была распространена у некоторых народов Переднеазиатского Востока, например, в древнем Шумере, со времени подчинения его аккадцам (III тысячелетие до н. э.)²⁰. Такая же раздвоенная форма бороды отмечается на статуэтках (переднеазиатского антропологического типа) ранних земледельцев южной Туркмении (Кара-Депе близ Ашхабада, III тысячелетие до н. э.)²¹. Эти аналогии говорят о том, что линии этногенетических

¹⁴ Напомним, что переднеазиатский антропологический тип был характерен, в частности, для населения Армянского нагорья.

¹⁵ Л. В. Ошанин, В. И. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 16.

¹⁶ Вследствие смешения с окружающими этническими группами у зеравшанских митанов, наряду с переднеазиатским, представлен также памиро-ферганский антропологический тип, а у каракалпаков-мюйтенгов — и южносибирский (черты этих типов встречаются и в смешанном виде).

¹⁷ Н. Рысиназаров, Проблема происхождения каракалпаков по данным антропологии, рукопись канд. дис., Нукус, 1969, график (составлен по методу Г. Ф. Дебеца, при его участии).

¹⁸ См. У. Кусекеев, Этнография Каракалпакской АССР, рукопись, 1933, стр. 19 и др. (Архив Каракалпакского филиала АН УзССР), а также полевые записи автора № 12, 16, 17 и др. за 1962 г. (хранятся в Архиве Каракалпакского филиала АН УзССР). Небезынтересно отметить, что по данным антропологических исследований, среди каракалпаков более сильный рост бороды по сравнению с другими группами зафиксирован у мюйтенгов и конгратов Муйнакского р-на (см. Н. Рысиназаров, Указ. раб.).

¹⁹ Полевые записи автора № 11, 17 и др. за 1963 г., № 10 за 1962 г. и др.

²⁰ S. N. Kramer, History begins at Sumer. Twenty-seven «First» in Man's recorded history, New York, 1959, pl. 13, 17.

²¹ И. Н. Хлопин, К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана, «Сов. этнография», 1960, № 5.

связей мюйтенов возможно восходят к III тысячелетию до н. э., и направление этих связей ведет здесь на Переднеазиатский Восток через территорию южной Туркмении.

Очень древние южнотуркменистанско-переднеазиатские аналоги обнаруживают некоторые элементы каракалпакского орнамента на ковровых изделиях. Например, одним из элементов каракалпакского орнамента является весьма распространенный мотив креста с расширяющимися крестовинами или закругленными концами, часто заключенного в медальоны ромбической или восьмигранной формы, а также различные варианты многоступенчатых пирамидок. Такие фигуры мы находим на ковровых изделиях хорезмских, самаркандских, ферганских и бухарских каракалпаков²². А. С. Морозова писала: «Своеобразные детали каракалпакского креста с широкими крестовинами и закругленными концами выделяют этот узор из традиционной орнаментики народов Средней Азии. Совершенно точная аналогия этого узора прослеживается в орнаменте отдельных народов Кавказа (дагестанцы, хевсуры) и в древних памятниках Триполья и Передней Азии»²³. Ею приводятся изображения подобных крестообразных фигур с рельефа ассирийского царя Саргона II в Хорсабаде (VIII в. до н. э.), орнамент ткани переднеазиатского происхождения из II Пазырыкского кургана (V в. до н. э.), орнамент на рукаве женской хевсурской одежды — наряду с примерами народного орнамента каракалпаков. Подобные же узоры отмечаются В. И. Сарияниди на керамике геоксюрского стиля (конец IV тысячелетия до н. э.) и коврового стиля (III тысячелетие до н. э.), которая принципиально отличается от керамики предшествующего периода тем, что в построении орнаментальных схем выделяется основное центральное изображение — чаще всего крестообразная фигура²⁴. В. И. Сарияниди находит аналогии этой орнаментике в древнейшем пиктографическом письме Шумера и Элама, где эти знаки имели не только декоративное, но и смысловое значение. «Целый комплекс других данных, — пишет В. И. Сарияниди, — позволил выдвинуть предположение, что в конце IV тысячелетия до н. э. ... из района древнего Элама какая-то группа племен проникла в юго-восточную Туркмению»²⁵.

Если мы вновь вернемся к археологии Приаралья, то здесь исследователями, помимо древнейших южных связей в период неолитической кельтеминарской культуры (IV—III тысячелетия до н. э.), о которых мы говорили выше, прослеживаются новые южные влияния в период бронзового века (камышлинский этап суярганской культуры). С. П. Толстов и М. А. Итина считают, что это связано с проникновением с юга в Приаралье в начале II тысячелетия до н. э. новых этнических групп, исторически связанных с областями Иранского нагорья и прилегающих стран²⁶.

Представляет несомненный интерес, что древнехорезмийская историческая традиция, сохраненная в трудах ал-Бируни, начало древнейшего хорезмийского летоисчисления возводит к приходу с юга мифического ос-

²² Т. А. Жданко, Народное орнаментальное искусство каракалпаков, ТХЭ, т. III, М., 1958, стр. 389 и др.; Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века, Нукус — Ташкент, 1963, стр. 203.

²³ А. С. Морозова, Узак. раб., стр. 153; см. также: И. М. Лосева, Искусство древней Месопотамии, М., 1946, стр. 80.

²⁴ В. И. Сарияниди, Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, стр. 45, см. также, стр. 81, 82.

²⁵ Там же, стр. 42, 43.

²⁶ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78; С. П. Толстов, М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1; М. А. Итина, О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы, «Сов. этнография», 1967, № 2.

Среди археологов Хорезмской экспедиции существует два мнения относительно происхождения суярганской культуры. Если С. П. Толстов и М. А. Итина говорят о проникновении суярганских племен с юга в начале II тысячелетия до н. э., то А. В. Виноградов (как и Я. Г. Гулямов) считает суярганскую культуру генетически преемственной кельтеминарской, а для II тысячелетия до н. э. допускает лишь влияния с юга (А. В. Виноградов).

нователя династии хорезмийских царей — Сиявуша — также ко II тысячелетию до н. э., правда, к его второй половине (XIII в. до н. э.)²⁷. На это обращал внимание в своих работах С. П. Толстов, выдвинувший гипотезу относительно связи названия Хорезм с восточными племенами хурритов, продвинувшихся с восточных окраин Иранского нагорья, вниз по Мургабу и Амударье. Согласно его гипотезе, слово «Хорезм» может означать «Земля (страна) народа Хварри или Харри»²⁸.

Вопрос об этнической принадлежности древних пришельцев из Ирана и Передней Азии на территории южной Туркмении и низовьев Амударьи, говоривших на неиндоевропейских языках, необычайно сложен и в настоящее время пока, видимо, неразрешим. Столь же сложен вопрос о происхождении некоторых топонимов и этнонимов, возможно, уходящих своими корнями в доиндоевропейскую эпоху. Если относительно древних языков Передней Азии существует значительная литература, базирующаяся на изучении письменных памятников²⁹, то ничего подобного нельзя сказать о древнейших языках Средней Азии, безусловно, восходящих к доиндоевропейскому периоду. Письменных источников этого времени в Средней Азии не найдено, и видимо, не может быть найдено, так как это был бесписьменный период в истории народов Средней Азии. Между тем, если языки иранской группы (хорезмийский, согдийский и др.), доступные научному изучению, получили распространение в Средней Азии, в том числе в Хорезмском оазисе, в начале II тысячелетия до н. э.³⁰, то появление человека на территории Хорезмского оазиса, как мы уже говорили, относится к значительно более раннему времени, притом первоначальное заселение низовьев Амударьи, видимо, шло с юга, с территории Иранского нагорья, в восточных частях которого обитали группы населения, возможно говорившие на разных доиндоевропейских языках, что еще более затрудняет исследование. И. Н. Хлопин допускает, что в южной Туркмении в III тысячелетии до н. э. обитали племена загро-эламской группы языков (родственные луллубеям, касситам и др.), «поскольку в настоящее время трудно установить восточные границы их расселения»³¹. С. П. Толстов же считал возможным связать происхождение названия Хорезм с племенным названием основателей государства Митанни, сложившегося в северной Месопотамии в

ног р а д о в, Неолитические памятники Хорезма, М., 1968 и другие работы). Мы думаем, что точка зрения о генетической преемственности кельтеминарской и суярганской культур вовсе не исключает возможности появления во II тысячелетии до н. э. новых пришельцев с юга, возможно родственных по происхождению первым переселенцам в Хорезм времен кельтеминара. В дальнейшем развитие этнической и культурной истории Хорезмского оазиса происходило на базе смешения носителей суярганской культуры с проникшими сюда несколько позже (в середине II тысячелетия до н. э.) с севера носителями тазабагтябской культуры степной бронзы (см. указ. выше работы С. П. Толстова и М. А. Итиной). Аналогичная картина прослеживается в заманбабинской культуре бронзового века нижнего Зеравшана (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.), где также, наряду с местными традициями, обнаруживается очень сильное влияние культуры земледельческого юга Средней Азии и Ирана (Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», 1956, вып. 8; Е. Е. Кузьмина, Могильник Заман-Баба, «Сов. этнография», 1958, № 2; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Указ. раб., стр. 167, 169). В. И. Сарияниди допускает возможность проникновения сюда в этот период каких-то этнических компонентов из юго-восточной Туркмении (В. И. Сарияниди, Хапуз-Депе как памятник эпохи бронзы, «Краткие сообщения Ин-та археологии», вып. 98, 1964).

²⁷ Абурейхан Бируни, Памятники минувших поколений. Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 47.

²⁸ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 80. Небезынтересно отметить, что на хурритском языке слово *haw* (*u*) *r* означало землю (И. М. Дьяконов, Языки древних народов Передней Азии, М., 1967). Первый элемент топонима Хорезм (Хваризм) мог восходить и к этому хурритскому слову.

²⁹ И. М. Дьяконов, Языки древних народов Передней Азии; Г. А. Меликишивили, Урартский язык, М., 1964; Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, и др.

³⁰ А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, М.—Л., 1941, стр. 7, 11.

³¹ И. Н. Хлопин, Указ. раб., стр. 97.

XVI в. до н. э., — хурритов (Хурри, Харри), и неоднократно высказывал мнение, что «между Хорезмом и Митанни протягиваются достаточно явные нити»³², приводя для подтверждения этой мысли, на наш взгляд, убедительные доводы³³. Сказать, каким был характер связей между Хорезмом и Митанни, с какими историческими событиями связаны переселения тех или иных этнических компонентов, в настоящее время не представляется возможным. Тем не менее, все же стоит обратить внимание на некоторые восходящие к древности этнонимы и топонимы Средней Азии, рассматривая этот круг вопросов на фоне смежных дисциплин и учитывая, что само по себе сходство элементов ономастики может быть и случайным.

Отголосками древнейшего периода в истории Хорезма (а отчасти Средней Азии в целом), по нашему мнению, является этноним *мюйтен* (*митан*), сохранившийся доньше среди названий племен каракалпаков и узбеков Приаралья и узбеков долины Зеравшана, а также значительное количество топонимов с основой *митан*, зафиксированных на левом берегу верхнего Хорезма средневековыми арабо- и персоязычными источниками (Хош-Митан, Ардахошмитан, Мада-Митан)³⁴; в долине Зеравшана (в среднем и нижнем течении) многие из таких названий сохранились и доньше (Митан, Актепе-Митан, Хоштепе-Митан, Урмитан и многие другие). В. А. Шишкин пишет о такой группе названий в Бухарском оазисе: «Бесспорно древними является... большая группа названий на «митан»: Рамитан, Армитан, Наумитан, Синджамитан, Сумитан, Зармитан, Хурмитан (или Хурмайтан)», и далее добавляет: «Следует обратить внимание на то, что все эти названия, без всякого исключения, не объясняются из современных таджикского и узбекского языков (или других языков современного населения Средней Азии), что свидетельствует о *большой древности их возникновения*»³⁵. В. А. Шишкин призывает провести специальное историко-лингвистическое исследование, чтобы выяснить языковую принадлежность и семантику этих названий и тем самым определить древние этнические наслоения в Бухарском оазисе. Представляет интерес замечание средневекового историка Наршахи (X в.), который сообщает, что Рамитан — очень древний город, древнее Бухары, он был раньше центром всей округи и основан за 3000 лет до его, Наршахи, жизни³⁶. Если и не считать эту дату правильной, мнение средневекового историка о чрезвычайной древности этого поселения заслуживает большого внимания.

В связи с рассматриваемым кругом вопросов вызывают интерес также исторические легенды зеравшанских митанов, говорящие о пребыва-

³² С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81.

³³ Помимо ряда аналогий в области материальной и духовной культуры (см. там же, стр. 79, 81, а также «Древний Хорезм», стр. 197, 201—203), он приводит примеры хорезмийско-митаннийских ономастических параллелей: Шаушатар — митаннийское царское имя, Шаушафар — имя хорезмийского царя; Шаукаш (имя митаннийской богини) и Шауш (хорезмийское царское имя); хорезмийско-хеттских параллелей: хатту (хетты) и основа имени среднеазиатского народа массагетов (великие геты), агна — протохеттское «источник, ключ» (по И. М. Дьяконову — из хурритского (арина), см. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 98) и арна — название канала в современном каракалпакском языке и в хорезмских диалектах узбекского и туркменского языков.

³⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 158, 178, 187, 216 и др. Топоним Митан и ныне существует в районе Хазараспа, на крайнем юге Хорезмского оазиса.

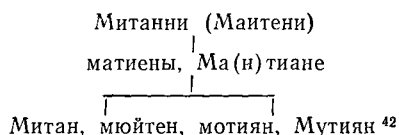
³⁵ В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 28, 29. Автор выдвигает предположение, что слово «митан» в топонимах Бухары и Средней Азии в целом может быть сопоставлено со среднеперсидским «maethana» — «местожительство, дом, фамилия или племя», ср. с новоперсидским мейхен — «родина, семья, родной очаг». Ср. также метан — название селения в согдийском языке (В. А. Лившиц, Иранские языки народов Средней Азии, «Народы Средней Азии и Казахстана», серия «Народы мира, Этнографические очерки», т. I, М., 1962, стр. 138). Если и признать эту трактовку правильной, перед нами здесь опять-таки обнаруживаются южные связи.

³⁶ Мухаммед Наршахи, История Бухары (Тарихи-Бухара). Перевод с персидского Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 24, 25.

нии их предков близ берегов оз. Урмии (Иранский Азербайджан) ³⁷, называвшегося в древности *Ма(н)тиане*.

По северным и западным берегам этого озера, в ряде районов Закавказья, в верховьях рек Аракса и Галиса в VI в. до н. э.—I в. н. э., как свидетельствуют сообщения античных авторов (Геродот, Гекатей, Страбон, Полибий, П. Мела и др.), обитал народ *матиены*, которых исследователи (И. М. Дьяконов, И. Алиев) считают поздними хурритами ³⁸. Этот этноним также отразился в ономастике Хорезма. В Хронике Муни-са и Агехи (XIX г.) близ Хазараспа упоминается местность *Мутиян* ³⁹. В узбекском шежере (родословной), приводимом в работе Ч. Валиханова, в числе предков узбеков названы матиены («*мотиян*») ⁴⁰.

Этноним матиены некоторые исследователи (И. М. Дьяконов, И. Алиев) считают возможным связать с названием древнего государства *Митанни* (*Маитени*) верхней Месопотамии XVI—XIII вв. до н. э. ⁴¹. Мы ставим вопрос, не могло ли здесь изменение элементов ономастики идти по схеме:

О том, что сходство ономастических сочетаний *хурриты Митанни* и *мюйтены Хорезма* («*Земли хурритов*») не случайно, некоторые подтверждения можно найти и в лингвистических материалах ⁴³.

События, восходящие ко II тысячелетию до н. э., о которых мы говорили на предыдущих страницах, нашли своеобразное отражение в ис-

³⁷ Полевые записи автора № 10, 16, 22, 23 за 1963 г.

³⁸ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956, стр. 138; И. Алиев, История Мидии, Баку, 1960, стр. 68.

³⁹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 352.

⁴⁰ Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, т. I, Алма-Ата, 1961. Появление таких элементов в ономастике Хорезмского оазиса может свидетельствовать о том, что наряду с древнейшими переселениями в Хорезм с юго-запада, о которых мы говорили выше, были и более поздние (второй половины I тысячелетия до н. э.) переселения из приурмийского района отдельных групп упоминаемых в античных источниках матиенов.

⁴¹ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., стр. 138; И. Алиев, История Мидии, стр. 68.

⁴² Высказанное рядом авторов мнение о том, что топоним (а следовательно и связанный с ним этноним) митан (мюйтен) — иранского происхождения или восходит к словарному фонду какого-либо другого индоевропейского (например, индоарийского) языка, заслуживает несомненного внимания, но и это не исключает возможной связи его с топонимом Митанни, поскольку, как известно, в этом государстве определенную роль играли индоарийские элементы, что наложило отпечаток на ономастику (в частности, антропонимику), связанную с этим государством (G. Contenau, La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni, Paris, 1948, pp. 65, 66).

⁴³ Интересны субстратные явления в области фонетики, в частности в мюйтенском говоре каракалпакского языка. У хорезмских каракалпак-мюйтен, так же как и зеравшанских узбеков-митанов (и каракалпак-митанов), обнаруживается ассимиляция «л» после сонорных и некоторых других звуков (маңдай, жанлык вместо маңдай, жанлык). То же можно отметить и относительно диалекта узбеков южного Хорезма (так, они говорят джинни вместо джинли) и некоторых туркменских диалектов. Сходные фонетические явления наблюдались у некоторых народов, входящих в кавказскую языковую семью. Название этнического термина Bental у чеченца-нахичи, переводчика Истахри, «естественно переходит в Bernal». (А. Соколов, Основные этапы истории каракалпак-ков, стр. 71). (В настоящее время лингвисты установили тесные языковые связи хуррит-урартской группы с нахско-дагестанскими языками, особенно с их нахской подгруппой, к которой относятся, в частности, чеченцы. См.: И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, стр. 18, 19.) У древних митаннийцев звук «н» также являлся устойчивым фонетическим признаком. Например, как показывают нузийские тексты, вместо lullu (название древнего народа луллубеев) здесь встречается форма pullu «с характерной для них заменой начального l—p» (И. Алиев, О первых племенных союзах на территории Азербайджана, Баку, 1959, стр. 27). В урартском языке также отмечается чередование звуков «п» и «л» — burgalanı от burgapanı (Г. А. Меликишвили, Урартский язык, М., 1964, стр. 27). Возможно, в говоре хорезмских и зеравшанских мюйтен сохранились какие-то фонетические закономерности, оставшиеся у них от их доиндоевропейских предков.

торических легендах хорезмских и зеравшанских мюйтенов. Нас не должно смущать столь длительное бытование легенд. Низовья Амударьи были своеобразным этнографическим заповедником, оазисом, в силу ряда исторических причин оказавшемся в течение многих веков в состоянии относительной изоляции, что приводило к консервации многих элементов быта и культуры, восходящих порою ко временам глубокой древности. Способствовал этому и такой консервативный тип хозяйства, как полунатуральное комплексное (земледелие, скотоводство, рыболовство), которое было в значительной степени обусловлено природными условиями района. В Хорезме чрезвычайно долго сохранялись реликты древних общественных и семейных отношений, древние верования и столь же древние сказания, отражающие в легендарной форме пути переселения мюйтенов — как мы полагаем, наиболее раннего из составных слагаемых каракалпакского народа, сказания, которые еще в настоящее время фиксируются этнографами. Отголоски столь же древних сказаний доживают свой век в долине Зеравшана.

Легенды зеравшанских митанов говорят о том, что в прошлом у митанов было свое государство. Предания рассказывают о происшедшем в давние времена поголовном истреблении митанов каким-то царем и о новом их распространении от оставшихся случайно в живых двух сыновей одной женщины (в других вариантах говорится об изгнании митанов). Легенды говорят о насильственном переселении митанов с юга, из Ирана, через «Балх-Бадахшан»⁴⁴ в места современного расселения.

Вот некоторые выдержки из легенд, связанные с мотивом изгнания митанов с юга — из Ирана, Балха и др.:

«Митаны, в основном, расселились со стороны Шахрисябза и Кашкадарьи. Они под властью одного царя жили отдельным родом, были красноречивыми, знающими людьми, работали на государственной службе (занимались государственными делами) и хотели захватить все царство. После этого их изгнали».

«...Митаны были очень многочисленным народом (жуда қатта ел)». «Этот народ был изгнан со стороны Балха, так как не понравился царю».

«Действительное место происхождения митанов в Иране. 1600 лет назад (там) были митаны. Где жили митаны, там они пользовались большим авторитетом. За это царь их ненавидел и изгнал»⁴⁵. В качестве места обитания своих предков зеравшанские митаны называют, в частности, район города Тебриза в Иранском Азербайджане, находящегося близ озера Урмия (Резайе).

У хорезмских каракалпаков-мюйтенов, наряду с легендами о северном пути передвижения их предков — с Кавказа, через степи Прикаспия, Едиль (Волгу) и Жайык (Урал), — также отмечается южный, более древний путь, — через «Балх-Бадахшан» (вариант — Таджикистан) и Ташкент⁴⁶. У них тоже есть упоминания в легендах о государстве мюйтенов (чаще местом этого государства называется «Балх-Бадахшан»). Легенда же о поголовном истреблении мюйтенов, имеющаяся и у этой группы, претерпела здесь, в полукочевой среде, значительные изменения и была украшена большим количеством подробностей. Некоторые элементы этой легенды глубоко архаичны. Матерью двух сыновей-близнецов, чудом оставшихся в живых, здесь названа Ак-Шолпан (Белая Ве-

⁴⁴ О мотиве «Балха-Бадахшана» и «Жийдели-Байсуна» в легендах каракалпаков см. ниже.

⁴⁵ Полевые записи автора № 10, 16, 20 и др. за 1963 г. Датировкой, данной в народных легендах, не следует пользоваться, когда речь идет о столь отдаленных временах (более или менее достоверным является счет по поколениям, датирующий события 200—300-летней давности). Здесь же нам следует лишь принять к сведению, что легенды повествуют о событиях весьма отдаленного времени.

⁴⁶ Полевые записи автора № 6, 13, 18 и др. за 1962 г. В легендах хорезмских каракалпак-мюйтенов неоднократно встречаются упоминания об обитании их предков в Шам (Сирии).

нера). Имя этой легендарной прародительницы мюйтенгов даже стало ураном (боевым кличем) их племени⁴⁷.

Очень интересно, что мотив легенд митанов — о пришельцах-изгнанниках с юга — имеет поразительное сходство с легендой о приходе в древний Хорезм хорезмийцев, изгнанных за какую-то провинность «царем Востока» (по Макдиси, X в. н. э.). «... В древности, — сообщает ал Макдиси, — царь Востока разгневался на 400 человек из своего государства, из приближенных слуг (своих), и велел отвести их в место, отдаленное от населенных пунктов на 100 фарсахов..., а таким оказалось место (где теперь город) Кас»⁴⁸ (столица древнего Хорезма, ныне г. Бируни).

С. П. Толстов, комментируя это сообщение Макдиси, замечает, что «в этом рассказе перед нами выступает традиция о смешанном происхождении хорезмийцев, об участии в их этногенезе таких-то пришельцев изгнанников»⁴⁹. Как мы видим теперь, отголоски воспоминаний о предках-изгнанниках с юга сохранялись не только во времена жизни Макдиси, в X в., но сохраняются и ныне, еще тысячелетие спустя, среди каракалпаков-мюйтенгов и узбеков-митанов.

Еще более близкие к сообщению Макдиси и более полные легенды были записаны Г. П. Снесаревым у узбеков южного Хорезма, которые, по общему признанию исследователей, являются наиболее прямыми потомками древних хорезмийцев. Вот некоторые выдержки из этих легенд:

«После Адама все царства земного шара были в руках одного падишаха из царей Кияни⁵⁰. Если человек в чем-нибудь провинился, его заключали в тюрьму, а в день Науруза падишах заставлял их приводить к себе и опрашивал; кто виновен — того казнил, других выпускал. Однажды в тюрьме было очень много заключенных... (Царь сказал визирю:) «Ты, мой любимый визирь..., отведи этих людей в такое место, откуда был бы сорокадневный путь во все стороны и ничего бы в этих местах не было. Выживут те из них, кто не виновен». Ищет визирь такое место. Везде ходил и в конце концов пришел сюда. В то время Дарья текла южнее Куня-Ургенча, это (было) в очень древние времена». И далее, как и в легенде Макдиси, рассказывается, как люди выжили здесь, благодаря тому, что ловили рыбу в Амударье, и дается народная этимология названия Хорезм («Огонь на языке народов того времени назывался „хор“, а рыбье мясо — „разм“. Это означало, что ели рыбу, поджарив ее на огне»). (Записано в 1957 г. в Турткульском районе КК АССР).

Другая легенда о заселении Хорезма беженцами из Ирана и об изменении течения Амударьи была записана этим же исследователем среди узбеков Гурлена⁵¹. Изучение хорезмских узбеков без родовых делений, как показало интереснейшее исследование Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма», вообще очень перспективно для исторической этнографии, в частности для выяснения древнейших южных и юго-западных связей населения Хорезмского оазиса.

Перед этнографами стоит неотложнейшая задача — фиксировать подобные древние предания, стоящие на грани исчезновения, и попытаться дать им научную интерпретацию. В связи с этим хочется напомнить замечательные слова известного этнографа М. С. Андреева: «... на наших глазах в Средней Азии исчезает и в значительной степени уже исчез целый мир прежних многовековых воззрений, мир старого уклада жизни ее народов, многие стороны которого, почти не изменяясь, дошли до нас

⁴⁷ Полевая запись автора № 11 за 1962 г. и др.

⁴⁸ «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. I, М.—Л., 1939, стр. 185.

⁴⁹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 75.

⁵⁰ Кияни (Кеяниды) — легендарные цари Ирана.

⁵¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Г. П. Снесареву, ознакомившему нас с этими интересными легендами.

из глубокой старины и исчезли или исчезают в наши дни. Весь этот быт уходит или ушел в значительной степени незаписанным, неизученным..., что имело бы огромное значение для истории Средней Азии, в особенности для истории ее культуры»⁵². Быть может, не случайно один вариант каракалпакской легенды о мюйтенах, записанной в Ходжейли, говорит о том, что мюйтены издавна жили в низовьях Амударьи, к югу от Куня-Ургенча⁵³, т. е. именно там, где средневековыми путешественниками отмечены города Арда-Хошмитан и Мада-Митан. Детальное толкование обстоятельств, изложенных в этой легенде, еще предстоит исследователям.

В связи с рассматриваемым кругом легенд следует отметить также довольно распространенные (у каракалпаков разных групп, узбеков, казахов) легенды о приходе их из «земли предков *Жийдели-Байсына*». Легенды эти стоят несколько особняком и могут отражать иные пути и иные периоды передвижений предков современных народов. Вопрос о локализации Жийдели-Байсына неоднократно обсуждался, высказывались разные точки зрения по этому вопросу⁵⁴. Мы также приняли участие в этой дискуссии⁵⁵. Изучение материала в последние годы привело нас к заключению, что, видимо, правы те исследователи, которые отождествляют легендарный Жийдели-Байсын с Байсуном в Сурхандарьинской области Узбекистана⁵⁶. Этот круг легенд, видимо, более поздних по происхождению, тоже указывает на пути переселения каких-то компонентов, вошедших со временем в состав каракалпакского и узбекского народов, пути с юга, но уже не через территорию Туркмении и средней Амударьи, а через горные цепи юга Узбекистана, в частности горы Байсун-Тау. Античные историки, писавшие о Бактрии, называют Байсун-Тау «железными воротами на севере»⁵⁷. Это следует понимать, видимо, так, что через Байсун-Тау был выход на север для племен и народов, живших в более южных областях, прежде всего на территориях современных Афганистана и Ирана. Переселившиеся с юга группы, видимо, какое-то время обитали в горах Байсун-Тау, и это оставило неизгладимый след в народных преданиях. Последующее живое общение с оставшимися на Сурхандарье соплеменниками поддерживало эти народные традиции⁵⁸.

Вызывают большой интерес и требуют специального исследования отголоски в каракалпакском фольклоре мотивов, восходящих к истории

⁵² «Памяти М. С. Андреева, Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии», «Труды АН ТаджССР», т. СХХ, 1960, Сталинабад, стр. 9—11.

⁵³ Полевая запись № 3 за 1961 г., сделанная А. Утемисовым в Ходжейлинском этнографическом отряде Каракалпакского ФАН УзССР.

⁵⁴ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 131, 132; К. Л. Задыкина, Узбеки дельты Амударьи, ТХЭ, т. I, М., 1952; Х. Т. Зарифов, Основные мотивы эпоса «Алпамыш», сб. «Об Алпамыше», Ташкент, 1959, стр. 12.

⁵⁵ Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века, стр. 178—182; Л. С. Толстова, А. Утемисов, Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков.

⁵⁶ Работы Т. А. Жданко и К. Л. Задыхиной, указанные в сноске⁵⁴. См. также этноботаническое исследование С. И. Сагитова «К вопросу о локализации легендарной местности Жийдели-Байсун по данным ботаники», «Сов. этнография», 1968, № 1.

⁵⁷ Г. И. Савицкий, Известия античных писателей о Средней Азии, II, Древняя Бактриана, вып. I, «Труды Самаркандского Гос. пед. ин-та», т. II, Самарканд, 1941, стр. 9.

⁵⁸ У каракалпаков Хорезмского оазиса легенды о приходе из Жийдели-Байсына наиболее полно представлены среди племен арыса Конграт (см. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 131). То же фиксируется этнографами и у узбеков-конгратов дельты Амударьи (см. К. Л. Задыкина, Указ. раб.). Для мюйтенских легенд упоминание Жийдели-Байсына не типично, хотя они знают эту легендарную местность и в ряде случаев упоминают о ней. Однако в ряде мюйтенских легенд говорится о том, что у мюйтенов было царство в «Балхе-Бадахшане», т. е. на территории северного Афганистана и Таджикистана, близкой к местности, упоминаемой в легендах арыса Конграт. Это тем более интересно, что по сведениям информаторов из зеравшанских митанов, в северном Афганистане, близ города Ташкуртан, и поныне живет значительное количество митанов, с которыми еще в начале XX в. зеравшанские митаны поддерживали отношения (полевые записи автора № 4, 5, 28, 29 за 1963 г.).

и культуре древней Ассирии. Так, в «Сказке о женском царстве», записанной среди каракалпаков в 1875 г. Н. Каразиным, говорится: «В далекие времена существовало большое ханство, столицей его был город *Самирам*, расположенный на недоступной высоте»⁵⁹. Здесь явственно распознаются отзвуки широко распространенных в древности легенд об одном из «семи чудес мира» — «висячих садах *Семирамиды*». Прототипом Семирамиды была ассирийская царица *Шаммурамат*, правившая страной в конце IX в. до н. э. и известная своими завоевательными походами и приписываемой ей строительной деятельностью. Легенды об этой царице получили широкое распространение у ряда народов Востока — древних армян, где она была известна под именем *Шамирам*⁶⁰ (в районе озер Ван эти легенды бытовали вплоть до начала XX в.)⁶¹, айсоров, персов. Следы того же предания мы видим в каракалпакской сказке о городе Самирам. Мы полагаем, что имя Самирам в каракалпакском фольклоре не является результатом какого-либо позднего книжного влияния. Мусульманская литература имени Семирамиды не знает.

Образ Семирамиды в религиозно-фольклорной традиции древних народов Переднеазиатского Востока перекликается с образом Иштар, ассирийской богини любви и войны, связанной в представлении древних с культами голубки и рыбы; с этим религиозным образом сливается ставшее легендарным имя царицы Шаммурамат⁶². Обратим еще раз внимание на то, что прародительницей мюйтенов считалась *Ак-Шолпан — Белая Венера*. Образ древнеассирийской богини Иштар, у которой много общего в иконографии и в функциях с древнесреднеазиатской Анахитой, ассоциировался также с планетой Венерой. Так что эта линия ассоциаций опять-таки ведет нас к древним религиям Передней и Средней Азии.

Рассмотренные здесь материалы далеко не исчерпывают следов древних переднеазиатских влияний в этногенезе каракалпаков. Об этом же свидетельствуют и некоторые особенности традиционной материальной культуры⁶³, а также ряд своеобразных обычаев и поверий каракалпаков.

* * *

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что наиболее отдаленный период этногенеза народов южного Приаралья, в том числе и каракалпаков, который возможно проследить в настоящее время, видимо, восходит к III—II тысячелетиям до н. э. и связан с проникновением в среду племен, живших ранее в Приаралье, каких-то групп восточнесредиземноморского антропологического типа (возможно, с примесью переднеазиатского), говоривших на том или ином древневосточном неиндоевропейском языке, пришедших с юга и юго-запада, что прослеживается на антропологическом, археологическом, этнографическом, историко-фольклорном и лингвистическом материале. Переднеазиатские этнические компоненты, видимо, восходящие ко второй волне переселений с юга или юго-запада, были растворены среди населения Приаралья, складывавшегося из групп различного происхождения (см. выше).

Сако-массагетские племена Приаралья, явившиеся преемниками носителей более ранних существовавших здесь археологических культур, впитали в себя и эти пришедшие с юга этнические группы.

⁵⁹ Н. Каразин, Сказка о женском царстве, «Древняя и новая Россия», 1875, III; М. О. Косвен, Амазонки, история легенды, «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 42.

⁶⁰ «История Армении Моисея Хоренского. Перевел с армянского Н. Эмин», М., 1858.

⁶¹ И. Орбели, Раскопки двух ниш на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1921, стр. 7.

⁶² «La légende de Sémiramis. Premier Mémoire de Mythologie comparative; par François Lenormant. Associé de l'Académie Royale de Belgique», Paris, 1873.

⁶³ См. А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (К вопросу этногенеза); е е же, Каракалпакский женский шлемовидный годово́й убор саукеле, «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 200, Исторические науки, кн. 41. Ташкент, 1963.

Видимо, предки каракалпаков в последующие времена консолидировались среди варварских племен периферии Хорезма, в частности в полунезависимом владении *Кердер*, расположенном в дельте Амударьи, и области *Халиджан*, расположенной на южном побережье Аральского моря. Дальнейшие этапы этногенеза каракалпаков детально изучены в работах упомянутых выше исследователей, чью научную концепцию мы дополняем и развиваем.

Изучение более поздних напластований в этногенезе каракалпаков не ведет уже исследователя на Переднеазиатский Восток. Начиная примерно с середины I тысячелетия до н. э. и далее круг исследуемых материалов охватывает в основном — наряду с Приаральем — области Приуралья, Поволжье (нижнее и среднее) и степи Причерноморья.

Материалы по этнографии, историческому фольклору и ономастике, восходящие к средневековому этапу этногенеза каракалпаков (в основном к периоду IX—XVIII вв.), дают явственные свидетельства северо-западных линий связей предков каракалпаков, что неоднократно упоминалось в исторической литературе. Однако и здесь, при более глубоком рассмотрении, можно выявить следы переднеазиатских влияний, а возможно и миграций каких-то древневосточных элементов, позже вошедших в состав населения Причерноморья и Поволжья, в свою очередь связанного с населением Приаралья⁶⁴.

Проблема древнейших переднеазиатско-среднеазиатских связей неизмеримо шире уточнения вопросов происхождения каракалпакского и узбекского народов. Без детальной разработки этой проблемы останутся неясными многие вопросы этногенеза народов Средней и Передней Азии, их исторической этнографии и истории, исторической лингвистики.

Нам хочется еще раз подчеркнуть значение исторического фольклора и восходящих к древности элементов ономастики для восстановления древнейших периодов этногенеза народов, не получивших отражения в письменных источниках⁶⁵. Они подчас могут послужить отправными пунктами исследования, в которые впоследствии должны быть вовлечены все доступные материалы смежных наук, чтобы возможно полнее была восстановлена историческая истина.

ANCIENT SOUTH-WESTERN LINKS IN THE ETHNOGENESIS OF THE KARAKALPAKS

Research into problems of the ethnogenesis of the Karakalpaks, carried out by P. P. Ivanov, S. P. Tolstov and T. A. Zhdanko has not however exhausted the ethnic and cultural links of the ancestors of this small Turkic-speaking people. The author examines ancient south-western links in Karakalpakian ethnogenesis and primarily those of the most outstanding relict group within this people — the Mүйten — formerly one of the Karakalpak tribes; these links are traced by materials of ethnography, historical folklore, anthropology and linguistics.

⁶⁴ О древних переселениях переднеазиатских элементов в Причерноморье и Поволжье через Кавказ см.: В. А. Городцов, *Бытовая археология*, М., 1910, стр. 251 и сл.; Т. А. Трофимова, *К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры*, «Сов. этнография», 1949, № 3; О. Н. Бадер, *К вопросу о балановской культуре*, «Сов. этнография», 1950, № 1; П. Н. Третьяков, *Происхождение чувашского народа в свете археологических данных*, «Сов. этнография», 1950, № 3; А. С. Морозова, *Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в.*, стр. 30, 31.

⁶⁵ Среди работ последних лет по исторической этнографии, в которых народные предания широко используются как исторический источник, следует отметить сборник «Фольклор и этнография», Л., 1970, а также работы: Р. Г. Кузев, *К этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. до н. э.* (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд), сб. «Археология и этнография Башкирии», III, Уфа, 1968; В. В. Пименов, «Велсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры», М.—Л., 1965; его же, *Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера СССР*, «Сов. этнография», 1968, № 4; И. К. Федорова, *Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник*, автореферат канд. дис., Л., 1966, и др.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЯ ИМЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ

Л. С. Толстова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА

Этногенез народов Приаралья (каракалпаков, узбеков, туркмен) восходит к глубокой, не поддающейся пока точному определению древности. По своему географическому положению Приаралье являлось зоной различных (этногенетических, культурных) контактов народов Приуралья, Поволжья, Западной Сибири — с одной стороны, южных областей Средней Азии, Ирана, Передней Азии, Закавказья, а возможно, и Индии — с другой¹.

На территории Хорезмского оазиса за его многовековую историю сменился целый ряд языков, входивших в разные языковые семьи. Это, естественно, оставило свои следы и в исторической ономастике Хорезмского оазиса.

К XIII—XIV вв. здесь после периода длительного сосуществования завершается окончательное поглощение хорезмийского языка, относящегося к восточноиранской группе языков, тюркскими языками. Языки иранской группы, по определению специалистов, получают распространение в Средней Азии, в том числе и в Хорезмском оазисе, уже в начале II тысячелетия до н. э. [29, 7, 11]. Но, по мнению ряда исследователей, не иранские языки являлись древнейшими на территории Хорезмского оазиса. Был предложен целый ряд гипотез о том, какие языки здесь бытовали прежде. С. П. Толстов высказывал предположение о фрако-киммерийской² принадлежности языка массагетов [25, 86; 24, 304]. Он же говорит о распространении здесь во II тысячелетии до н. э. языков, называемых «каспийскими», «алародийскими» или «субарейскими» (названия, принятые в работах разных ученых) [22, 309]. Выдвигались и иные предположения, в которых языковая

принадлежность доиранского населения Хорезма так или иначе связывалась с языками переднеазиатского древнего Востока (Э. Новотни, А. А. Соколов [21]).

Древней ономастикой Хорезма специально никто не занимался (хотя вопросы ономастики Хорезмского оазиса были затронуты в работах ряда исследователей — С. П. Толстова, Т. А. Жданко, Б. В. Андрианова, Г. П. Васильевой, Б. И. Вайнберг и др.).

Нами были сделаны некоторые наблюдения над дотюркской ономастикой Хорезма в связи с изучением вопроса о происхождении древнейшего компонента в составе каракалпакского народа — бывшего племени *мюйтен* — *myjten* (и связанного с ним этногенетически узбекского племени *митан*), этногенез которых своими корнями уходит в древний Переднеазиатский Восток, что отчасти можно сказать и о каракалпакском этногенезе в целом. Не имея возможности сколько-нибудь подробно останавливаться здесь на положениях, приведших нас к этому убеждению, назовем лишь некоторые из них [27; 28].

Старинная форма бороды мюйтенев, раздвоенной снизу, ведет нас в древний Шумер [32, рис. 13, 17] и находит аналогии в энеолитических памятниках южной Туркмении [30]; переднеазиатские (и южнотуркменские) аналогии обнаруживает каракалпакская орнаментика, а также некоторые элементы старинной каракалпакской и туркменской одежды [23, 147; 14, 166, 218—227]; собранный нами богатейший исторический фольклор каракалпаков-мюйтенев и узбеков-митанов (об этом отчасти см. ниже); некоторые антропологические признаки (представители переднеазиатского антропологического типа у зеравшанских митанов [19, 16], большая европеоидность по сравнению с другими каракалпакскими племенами хорезмских каракалпаков-мюйтенев); некоторые особенности произношения мюйтенев, отдельные элементы лексики и морфологии каракалпакского языка в целом (а также и некоторых других тюркских языков); данные ономастики (топонимии, этнонимии, в меньшей степени антропонимии) — все это является отдельными звеньями в цепи наших доказательств о том, что древнейшие этапы каракалпакского и узбекского этногенеза не могут быть рассмотрены в отрыве от древних этнических общностей Переднеазиатского Востока³.

На некоторых элементах восходящей к древности ономастики Хорезмского оазиса, требующих лингвистических раз-

³ Это, конечно, не означает, что процесс этногенеза каракалпакского народа (как и других народов Хорезмского оазиса) нами понимается односторонне. Помимо древнейшего звена, связанного с Переднеазиатским Востоком, здесь было множество других, более поздних звеньев, о которых говорится в других работах [9], при ином аспекте рассмотрения вопросов этногенеза.

¹ В данной статье мы будем рассматривать лишь вопросы, касающиеся южных и юго-западных линий связей населения Хорезмского оазиса.

² Древняя ветвь индоевропейской семьи языков.

думий, мы здесь и остановимся — не в порядке решения, а в порядке постановки вопроса.

В родо-племенном составе каракалпакского народа наряду со значительным количеством этнонимов тюркского и монгольского происхождения (таких, как *кыпчак*, *кенегес*, *мангыт*, *конграт*, *канглы* и др. [9, 111—112]) мы встречаем этнонимы, которые не могут быть выведены из этих языков. С языками иранской группы, по-видимому, могут быть связаны такие родо-племенные названия, как *самат* (род каракалпакского племени мюйтен), восходящее к названию древнего народа сармат [14, 22], *кара-сирак* (род каракалпакских племен мангыт и ашамайлы), восходящее к названию сарматского племени сираки (упоминаемого в IV в. до н. э. также на территории Армении [10, 152—153]), *кенганау* (род каракалпакского племени мюйтен [9, 103]), *олам* (название туркменского племени), которое ряд исследователей (Г. И. Карпов, Г. П. Васильева и др.) возводят к названию древних аланов [3, 45; 5], *асс* (род узбекского племени кыпчак в левобережном Хорезме, ныне Амударьинский район КК АССР) от асов, т. е. тех же аланов и др.

Наряду с этим среди этнонимов родо-племенного состава каракалпакского и узбекского народов, а также топонимов Хорезмского оазиса и долины Зеравшана встречаются названия, которые нелегко объяснить и из иранских языков, а если они и поддаются отчасти такому объяснению, то лишь с оговорками, допускающими возможность иного происхождения, с некоторыми фонетическими, морфологическими и лексическими признаками, ведущими нас, по-видимому, в другие (доиранские) языковые семьи.

Это прежде всего этноним *мюйтен* (племя хорезмских каракалпаксов), *митан* (племя зеравшанских узбеков) и целый ряд топонимов (возможно, этнотопонимов) с той же основой *митан*, зафиксированных арабскими и персидскими источниками X—XIII вв. в левобережном верхнем Хорезме (*Ардахош-митан*, *Рахошмитан*, *Мада-Митан* [12, 158, 178, 187, 216]); одно из этих названий — *Митан* — и поныне существует в названии населенного пункта в южном Хорезме, близ Хазараспа. Еще больше таких названий, причем и до сих пор, на среднем и нижнем Зеравшане — *Митан*, *Ак-Тепе-Митан*, *Хош-Тепе-Митан*, *Рамитан*, *Хурмитан* (*Урмитан*), *Армитан*, *Зармитан* и мн. др. Об одном из этих городов, ныне существующем городе *Рамитан* (близ Бухары), средневековый историк Наршахи (X в.) в своем труде «История Бухары» сообщает, что Рамитан — очень древний город, древнее Бухары, он был раньше центром всей округи и основан за 3000 лет до его, Наршахи, жизни [15, 24—25]. Если и не считать эту дату правильной, мнение средневекового историка о чрезвычайной древности этого поселения заслуживает внимания.

Название *Митан* вызывало интерес ряда исследователей (Г. П. Савицкий, А. А. Соколов, Гозы Алим [21, 8; 32, 3]). Выдвигались гипотезы о происхождении этого названия, которые, однако, не были должным образом аргументированы и вовсе не были увязаны с данными других научных дисциплин, занимающихся изучением проблем этногенеза. Затронул этот вопрос также В. А. Шишкин в своем труде «Варахша»: «Бесспорно, древней является... большая группа названий на „митан“: Рамитан, Армитан, Наумитан, Синджамитан, Сумитан, Зармитан, Хурмитан (или Хурмайтан)», и далее: «Следует обратить внимание на то, что все эти названия, без всякого исключения, не объясняются из современных таджикского и узбекского языков (или других языков современного населения Средней Азии), что свидетельствует о большой древности их возникновения» [31, 28—29]. В. А. Шишкин призывает провести специальное историко-лингвистическое исследование, чтобы выяснить языковую принадлежность и семантику этих названий и тем самым определить древние этнические наслоения в населении Бухарского оазиса.

Впрочем, тут же автор выдвигает предположение, что слово *митан* в топонимах Бухары и Средней Азии в целом может быть сопоставлено со среднеперсидским *maethana* 'местожительство, дом, фамилия или племя'; ср. с новоперсидским *мейхен* 'родина, семья, родной очаг' [31, 28—29].

Если и признать эту трактовку правильной, перед нами опять-таки обнаруживаются элементы южного тяготения (*Иран*).

Однако ряд указанных выше данных, в частности исторические легенды зеравшанских митанов, говорящие о пребывании их предков близ берегов озера Урмии (Иранский Азербайджан), называвшегося в древности *Ма(н)тиане*, дают возможность допустить и иную трактовку.

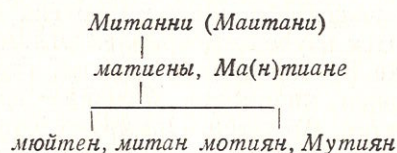
По северным и западным берегам этого озера и в ряде районов Закавказья (в верховьях рек Аракса и Галиса) в VI в. до н. э. — I в. н. э., как свидетельствуют сообщения ряда античных авторов (Геродот, Гекатей, Страбон, Полибий, П. Мела и др.), обитал народ *матиены*, которых исследователи (И. М. Дьяконов, И. Алиев [6, 138; 1, 68]) считают поздними хурритами.

От этого последнего названия протягиваются явные линии связей к ономастике Хорезма. В «Хронике» Муниса и Агехи (XIX в.) близ Хазараспа упоминается местность *Мутиян* [13, 352]. В узбекском шежире (родословной), приводимом в работе Ч. Валиханова, в числе предков узбеков названы матиены (*мотиян*) [4, 208].

Этноним *матиены* исследователи (И. М. Дьяконов, И. Алиев) считают возможным связать с названием древнего госу-

дарства Митанни (Маитани), существовавшего в верхней Месопотамии в XVI—XIII вв. до н. э. [6, 138; 1, 68].

Мы ставим вопрос, не могло ли здесь изменение ономастических категорий идти по схеме:

Впрочем, здесь мы можем лишь фиксировать очевидную взаимосвязь между этими топонимами и этнонимами [последовательность же перехода и первоначальная форма топонима (этнонима) могла быть иной]. При этом такие языковые соответствия наблюдаются на фоне зафиксированных антропологически и археологически переселений групп населения с юга и юго-запада, с территории Иранского нагорья, в южную Туркмению, Хорезмский оазис и в долину Зеравшана.

Что же касается иных форм связей (в частности, культурных), то их ареал в направлении стран Передней Азии можно еще значительно расширить. Отголоски древних переднеазиатских связей фиксируются и данными исторической этнографии, отчасти приведенными выше. В частности, нельзя не обратить внимания на отголоски интереснейших легенд хорезмских каракалпаков-мюйтенов и зеравшанских узбеков-митанов о том, что в места современного расселения они попали с юга, с территории Ирана⁴. Прародительницей своей хорезмские каракалпаки-мюйтены считали Ак-Шолпан (Белая Венера), что опять-таки ведет нас в круг религиозных представлений древних народов Передней и Средней Азии, где с планетой Венеры ассоциируются образы ассирийской богини Иштар и среднеазиатской Анахиты.

Для лингвистов небезынтересно проанализировать также другие элементы слов (видимо, сложных, содержащих не один корень), с которыми сочетаются топонимы на -митан, такие, например, как Рамитан, Армитан, Ардахошмитан, Хурмитан, Мада-Митан. Большинство из этих вторых корней, возможно, получит объяснение из иранских языков.

Рамитан, Рахошмитан — в этих названиях повторяется элемент *ра*, возможно персидское слово *рах* (тадж. *рах*, *рох*) 'дорога'. Такое же толкование дают наши информаторы из

⁴ Легенды говорят о почти поголовном истреблении или (вариант) изгнании мюйтенов каким-то другим народом (вариант — царем) и о том, что в древности у них было свое большое государство. В легендах упоминается также Сирия (Шам), как место прежнего обитания их предков. (Полевые записи Зеравшанского этнографического отряда КК филиала АН УзССР за 1960 и 1963 гг.; полевые записи Северного этнографического отряда КК ФАН УзССР за 1962 г.).

зеравшанских митанов, которые говорят, что Рамитан — это в действительности Рохи митан, что значит 'дорога митанов'. Если же это переосмысление, то небезынтересно разобраться, из какого языка может происходить элемент *ра*, видимо, очень древний.

Армитан — это, возможно, другой вариант того же названия. С другой стороны, интересно сопоставить этот топоним с Армата — названием области, находящейся предположительно на восточной границе Хеттского царства и населенной хурритами (II тысячелетие до н. э.) [7, 85, 102].

Ардахошмитан — в этом названии вызывает интерес элемент *арда*, видимо восходящий к индоиранскому *arta/rta* 'правда, истина, праведность' [34, 48]. Вызывает интерес тот факт, что среди топонимов Ванджа (Горно-Бадахшанская АО Таджикской ССР) к группе топонимов, «не поддающихся этимологии ни на основе таджикского языка (или ванджских говоров), ни на основе современных памирских языков или старованджского, в какой степени он известен» [20, 71] А. З. Розенфельд отнесла названия Ардахо и Ардобак, безусловно ассоциирующиеся с приведенным нами названием.

В топониме Мада-Митан первый элемент *мада* несомненно ассоциируется с упоминаемым в древневосточных источниках названием мидийцев — *Madai* [7, 78]. Это является свидетельством того, что в Хорезмском оазисе побывали в какой-то период и группы, говорившие на древнем мидийском языке (см. также такие топонимы в Хорезмском оазисе и на территории Туркмении, как Амад, Амид, Мадиян, Хурмад [12, 187, 207, 225, 528, 529]).

Давно ведется в науке дискуссия относительно происхождения и значения самого названия Хорезм, «в арабской графике *Ḫwārizm*, на хорезмийских монетах начала VIII в. н. э. *Ḫwrzm*, древнеперсидское *Uvarazmiš*, вавилонское *Humarizma*, эламское *Marazmiš*, авестийское *Hvairizem*, ...латинское *Chorasmia*» [25, 80]. На различных гипотезах, высказанных в связи с этим названием, останавливается в своей работе «По следам древнехорезмийской цивилизации» С. П. Толстов. Он пишет: «Все новейшие исследователи сходятся на том, чтобы во второй части имени *zm* — *zet* видеть индоевропейскую основу *zem*- 'земля, страна' (откуда персидское *zamīn* и наше — земля). Что же касается первого элемента *xāri*, *ḫwāri*, то попытки дать ему иранскую этимологию привели к полной разногласии» [25, 80]. Сам С. П. Толстов выдвигает гипотезу, что в основу этого топонима легло этническое имя, и слово Хорезм означает «Земля (страна) народа Хварри, или Харри», т. е. тех же хурритов⁵.

⁵ С. П. Толстов в этой же работе приводит некоторые хорезмийско-митаннийские антропонимические параллели: *Шаушатар* — митаннийское цар-

Мы думаем, что здесь можно высказать иное предположение, хотя и связанное с теми же хурритами. На хурритском языке слово *haw(u)r* означало 'земля' [8, 128]. Если сравнивать первый элемент слова *Хорезм* с этим хурритским словом, то выявляется почти полное тождество, тем более что название *Хорезм* произносилось очень по-разному в разные времена и у разных народов, и мы не знаем, как именно звучала точно первая составная часть этого слова во II тысячелетии до н. э., когда, по предположению С. П. Толстова, сюда докатилась волна хурритов. Пришельцы могли называть новое место жизни просто *Земля*, а впоследствии, когда они подверглись иранизации и смысловое значение этого слова было забыто, стали называть его, уже по-ирански, *Земля haw(u)r* → *huvar* → *X^var*, т. е. *Хваризм*, *Хорезм*.

Именно во II тысячелетии до н. э. археологи фиксируют появление в южном Приаралье новых элементов с юга, из областей Иранского нагорья (камышлинский этап суярганской культуры [26]), и на XIII в. до н. э. падает — по указаниям единственного дошедшего до нас историографа древнего Хорезма ал-Бируни — начало древнейшего хорезмийского летосчисления [25, 83]. Все эти факты несомненно находятся в тесной связи между собой.

Таким образом, в ономастике Хорезмского оазиса, как и долины Зеравшана (видимо, в какой-то мере это относится и к Средней Азии в целом), сохранились следы как древних языков иранской группы, так и слабые отголоски (некоторые элементы лексики, отдельные словообразовательные аффиксы, некоторые фонетические закономерности) древнейших распространённых здесь в прошлом доиранских языков.

Мы не можем судить о том, на каком именно из древних доиранских языков говорили народы Хорезмского оазиса, так или иначе (по всей совокупности данных) тесно связанные со странами Передней Азии. Возможно, здесь оставили следы древние языки разных групп: теперь, при более глубоком изучении древневосточных языков [8], выявляется вся сложность лингвистической картины стран древнего Востока, когда нельзя уже всю большую группу различных доиндоевропейских языков называть «яфетическими», «каспийскими» и т. д.

ское имя, *Шаушафар* — имя хорезмийского царя; то же *Артагам* и *Артамух*, *Шаукаш* (имя митаннийской богини) и *Шауш* (хорезмийское царское имя). Протохеттское *arna* 'источник, ключ' сохранилось донныне в каракалпакском языке и хорезмийском диалекте узбекского языка в названии каналов — *арна* [25, 81]. Об этом же слове, ставшем топонимом, И. М. Дьяконов замечает, что населённые пункты с названием «*Арина*»/«*Аринна*», хеттск. — из хурритского? — 'источник' известны в Малой Азии и в долине Большого Заба [7, 98].

Однако как данные антропологии, археологии и этнографии, так и данные лингвистики, обнаруживают глубокую, видимо, двустороннюю связь между древними народами Приаралья, бассейна Зеравшана, южной Туркмении (видимо, и Средней Азии в целом) и народами Переднеазиатского Востока — Ирана, областей Армянского нагорья, Двуречья, Малой Азии. Выяснить конкретные детали этих связей, передвижений народов на этой территории — задача и историков древнего Востока, и антропологов, и этнографов, и лингвистов. Большое значение в разгадке этих исторических тайн имеют и материалы исторической ономастики. Даже если наши гипотезы не найдут поддержки, надеемся, что специалисты задумаются над этими вопросами и, возможно, найдут правильное решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Алиев, История Мидии, Баку, 1960.
2. Б. В. Андрианов, О некоторых географических названиях Каракалпакии, — сб. «Топонимика Востока», М., 1962.
3. Б. И. Вайнберг, Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма, — сб. «Топонимика Востока», М., 1962.
4. Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, т. I, Алма-Ата, 1961.
5. Г. П. Васильева, Этнографические данные о происхождении туркменского народа, — журн. «Советская этнография», 1964, № 6.
6. И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956.
7. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968.
8. И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1968.
9. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, — «Труды Института этнографии АН СССР». Нов. сер., т. IX, М.—Л., 1950.
10. Гр. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947.
11. В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964.
12. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939.
13. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, М.—Л., 1938.
14. А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (К вопросу этногенеза), канд. дисс., Ташкент, 1954.
15. Мухаммед Наршахи, История Бухары (Тарихи-Бухара), пер. с перс. Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.
16. В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965.
17. В. А. Никонов, Топонимика в историко-географической этнографии, М., 1964.
18. В. А. Никонов, Язык неизвестен, — сб. «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964.
19. Л. В. Ошанин и В. И. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.
20. А. З. Розенфельд, Топонимика Ванджа (Горно-Бадахшанская автономная область ТаджССР), — сб. «Топонимика Востока», М., 1962.
21. А. А. Соколов, Основные этапы истории каракалпаков. По данным народных преданий каракалпаков и других памятников «живой старины», рукопись. Архив КК филиала АН УзССР, 1933.
22. С. П. Толстов, Аральский узел этногонического процесса, — сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947.
23. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948.

24. С. П. Толстов, Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, — сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947.
25. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.
26. С. П. Толстов, М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, — «Советская археология», 1960, № 1.
27. Л. С. Толстова, К вопросу о закавказско-переднеазиатских связях в этногенезе каракалпаков (мюитены), — «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 3.
28. Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, — «Советская этнография», 1971, № 2.
29. А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, М.—Л., 1941.
30. И. Н. Хлопин, К характеристике этнического облика ранних земледельцев южного Туркменистана, — «Советская этнография», 1960, № 5.
31. В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963.
32. *qazi Alim Yunus, Özbek lahçalarını tasnifda bir taçriba. Taşkent, 1936.*
33. S. N. Kramer, History Begins at Sumer, Twenty-seven «First» in Man's Recorded History, New York, 1959.
34. И. М. Дьяконов, Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (К методике исследования исчезнувших языков), — «Вестник древней истории», 1970, № 4.

В. И. Лытки

ЭТНОНИМ КОМИ И ГИДРОНИМ КАМА

Исследователи уже с давних пор сопоставляют самоназвание народа *коми* с гидронимом *Кама*. В середине прошлого столетия В. Н. Латкин писал следующее: «Зыряне на своем языке называют себя коми... название ками-морт¹, т. е. зырянин-человек, дает многим повод думать, что они пришли с берегов Камы. Это доказывается еще и тем, что зыряне Усть-Сысольского уезда дают название *Ком-му* (т. е. земля коминов) Чердынскому краю, лежащему по берегам Камы» [1].

В. Н. Латкин не был лингвистом и поэтому сопоставление двух созвучных слов ему казалось вполне допустимым. Позднее и лингвисты продолжали сопоставлять эти слова, однако без соответствующего анализа. Например, Вихман склонен был сопоставлять *коми*, *ком-* (*Ком-му*) с удм. *Кам* 'большая река', 'Кама', финск. *kumi* 'река', 'поток' [17, 147].

¹ Написание *ками* через *a* следует считать опечаткой; В. Н. Латкин на той же странице приводит правильное написание этнонима — *коми*. Это самоназвание народа во всех коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах, а также во всех письменных источниках встречается в виде *коми*: у Ф. Г. Миллера *komi* [7, 3397], то же самое у Лепехина [2, 244] и во всех этнографических и лингвистических трудах XIX и XX вв.

Точно так же у Т. Уотила [15, 102] слово *коми*, *ком-* (*Ком-му*) сопоставляет с удм. *Кам* 'река', 'поток', 'Кама', финск. *kumi* 'река', 'поток' (название реки), хант. *kam* — приток р. Конды, манс. *kam* — река на территории Вагильска и этноним *коми* осмысливает как 'обитатель территории бассейна р. Камы', 'камец'.

Мы не сомневаемся в том, что территория бассейна р. Камы была прародиной коми-зырян (а коми-пермяки и теперь живут там). Однако этноним *коми* и гидроним *Кама* представляют собой разные слова.

Впервые отделил эти два слова друг от друга Сетяля, который отметил, что слово *коми* раньше производили от *Ком-му* — территория Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии, сопоставляя это слово с удм. *Кам* 'река', 'Кама' и понимая слово *коми* как 'житель района Камы'; очевидно, мы здесь имеем дело, продолжает Сетяля, с двумя словами: 1) *коми* — удм. *кум*: *сара-кум* 'зыряне'² и 2) удм. *Кам* 'течение', 'поток', 'большая река', 'Кама'. Слова *коми* и удм. *кум* (*сара-кум*) Сетяля сопоставляет с манс. *kim* 'человек' и отмечает, что наименование народа по слову «человек» — явление обычное [12].

Позднее Д. Фокош дал обоснование сопоставлению этнонима *коми* с удм. *-кум*, встречающимся не только в слове *сара-кум*, но и в удм. *выжы-кум* 'родня', 'человек одного корня' (*выжы*, 'корень'). Он восстанавливает общепермское *ком* со значением 'человек' [10, 249—251].

Н. Немет сопоставляет слова, обозначающие 'человек', 'народ', а именно: *коми коми*, удм. *кум* (*сара-кум*), венг. *hit* 'мужчина', 'человек', манс. *kim* 'человек', 'мужчина', самод. *kim*, *kite*, *kip*, *kor* 'человек', уйг. *kip* 'народ', монг. *ип*, *и*, *ип*, *итип* 'человек'; в качестве иллюстрации изменения значения 'человек' > 'народ' Н. Немет приводит пример из мансийского языка, в одном диалекте которого заимствование из татарского *adäm* означает 'человек', в другом 'народ' [9, 68—70].

Таким образом, этноним *коми*, видимо, очень древен и происходит от слова, означавшего 'человек'. Он не имеет отношения к гидронимам — удмуртскому *Кам* и русскому *Кама*.

Переходя к вопросу об этимологии гидронима *Кама*, прежде всего нужно сказать, что нам неизвестно, когда этот гидроним стал широко распространенным географическим термином. Вероятно, он попал в русские источники (а оттуда и в западные) в период проникновения новгородцев на Урал и Зауралье, т. е. примерно в XI—XII вв. А в это время к западу от Уральских гор обитали еще обско-угорские наро-

² Слово *сара-кум* (*sara-kum*) встречается в словаре Видемана в значении 'зыряне' [18].